

Российская история изобилует рассуждениями умных государственных мужей, умеющих анализировать и предсказывать наступление геополитических событий и правильно предсказывать их последствия. Пожалуй, наиболее ярким примером среди государственных чиновников, демонстрирующих такое умение, можно назвать Петра Николаевича Дурново (1842-1915 годы), члена Государственного совета Российской Империи, бывшего министра внутренних дел, в прошлом военно-морского офицера, проходящего службу на Дальнем Востоке. Во многом благодаря его решительным действиям была подавлена революция или преодолено время смуты в 1905-1907 годах. Он жестоко подавлял бунты и пресекал любые забастовки, за что революционеры-террористы устроили на него настоящую охоту, убив по ошибке французского путешественника, внешне напоминающего тогдашнего министра внутренних дел Петра Дурново. Сей государственный муж вошел в историю благодаря тексту своего меморандума поданного на имя императора Николая II в феврале 1914 года, за семь месяцев до начала Первой мировой войны. Позже этот документ получил название «Записка Дурново».

В своей записке Петр Николаевич точно назвал две основные коалиции в надвигающейся войне. Дал определение будущей войне, ранее невиданной по масштабам и неслыханной по интенсивности боевых действий. Предсказал военные неудачи России в грядущей войне, анархию, смуту и гибель монархии. Он предостерег Николая II от войны с Германией и обосновал неготовность России к ведению масштабных боевых действий. Петр Дурново, будучи убежденным монархистом, дал точную характеристику социальной среды в самой России накануне войны: «Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма... Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вожделения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозвратно допустить агитацию в этом направлении, – Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905-1906 годов... Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для такой агитации... в случае неудачи, возможность которой, при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, – социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна... социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные

учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расхोдившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению».

Газета «Вести» в год 100-летия Октябрьской революции предоставляет вниманию читателей полный текст исторической «Записки Дурново». Последний российский самодержец Николай II не внял советам Петра Николаевича Дурново. Дальнейшее известно: вся царская семья во главе с Николаем Романовым была убита, а Россия умылась кровью, в полном соответствии с предсказаниями члена Государственного совета и едва ли не самого преданного монархиста.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ

ЧАСТЬ 6. ДАЖЕ ПОБЕДА НАД ГЕРМАНИЕЙ СУЛИТ РОССИИ КРАЙНЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Во всяком случае, если даже признать необходимость искоренения немецкого засилья в области нашей экономической жизни хотя бы ценою совершенного изгнания немецкого капитала из русской промышленности, то соответствующие мероприятия, казалось бы, могут быть осуществлены и помимо войны с Германией. Эта война потребует таких огромных расходов, которые во много раз превысят более чем сомнительные выгоды, полученные нами вследствие избавления от немецкого засилья. Мало того, последствием этой войны окажется такое экономическое положение, перед которым гнет германского капитала покажется легким.

Ведь не подлежит сомнению, что война потребует расходов, превышающих ограниченные финансовые ресурсы России. Придётся обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан не даром. Не стоит даже говорить о том, что случится, если война окончится для нас неудачно. Финансово-экономические последствия поражения не поддаются ни учёту, ни даже предвидению и, без сомнения, отразятся полным развалом всего нашего народного хозяйства. Но даже победа сулит

нам крайне неблагоприятные финансовые перспективы: вконец разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки. Продиктованный в интересах Англии мирный договор не даст ей возможности экономически оправиться настолько, чтобы даже впоследствии покрыть наши военные расходы. То немного, что может быть удастся с нее урвать, придется делить с союзниками, и на нашу долю придутся ничтожные, по сравнению с военными издержками, крохи. А между тем военные займы придется платить не без нажима со стороны союзников. Ведь после крушения германского могущества мы уже более не будем им нужны. Мало того, возросшая вследствие победы политическая наша мощь побудит их ослабить нас хотя бы экономически. И вот неизбежно, даже после победоносного окончания войны, мы попадем в такую же финансовую экономическую кабалу к нашим кредиторам, по сравнению с которой наша теперешняя зависимость от германского капитала покажется идеалом. Как бы печально, однако, ни складывались экономические перспективы, открывающиеся нам как результат союза с Англией, следовательно и войны с Германией, — они все же отступают на второй план перед политическими последствиями этого по существу своему противоестественного союза.

ЧАСТЬ 7. БОРЬБА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ ГЛУБОКО НЕЖЕЛАТЕЛЬНА ДЛЯ ОБЕИХ СТОРОН, КАК СВОДЯЩАЯСЯ К ОСЛАБЛЕНИЮ МОНАРХИЧЕСКОГО НАЧАЛА

Не следует упускать из вида, что Россия и Германия являются представительницами консервативного начала в цивилизованном мире, противоположного началу демократическому, воплощаемому Англией и, в несравненно меньшей степени, Францией. Как это ни странно, Англия, до мозга костей монархическая и консервативная дома, всегда во внешних своих сношениях выступала в качестве покровительницы самых демагогических стремлений, неизменно потворствуя всем народным движениям, направленным к ослаблению монархического начала.

С этой точки зрения борьба между Германией и Россией, независимо от ее исхода, глубоко нежелательна для обеих сторон, как, несомненно, сводящаяся к ослаблению мирового консервативного начала, единственным надежным оплотом которого являются названные две великие державы. Более того, нельзя не предвидеть, что при исключительных условиях надвигающейся общеевропейской войны, таковая, опять-таки независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России, и для Германии. По глубокому убеждению, основанному на тщательном многолетнем изучении

всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая силою вещей перекинется и в страну-победительницу.

Слишком уж многочисленны те каналы, которыми за много лет мирного сожительства незримо соединены обе страны, чтобы коренные социальные потрясения, разыгравшиеся в одной из них, не отразились бы и в другой. Что эти потрясения будут носить именно социальный, а не политический характер, – в этом не может быть никаких сомнений, и это не только в отношении России, но и в отношении Германии. Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищут политических прав, ему и ненужных, и непонятных.

Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении, – Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905 – 1906 годов. Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для такой агитации. Как уже было отмечено, война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи, – будем надеяться, частичные, – неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение, а при оппозиционности этого общества все будет поставлено в вину правительству.

Хорошо, если это последнее не сдастся и стойко заявит, что во время войны никакая критика государственной власти не допустима и решительно пресечет всякие оппозиционные выступления. При отсутствии у оппозиции серьезных корней в населении этим дело и кончится. Не пошел в свое время и народ за составителями Выборгского воззвания, точно так же не пойдет он за ними и теперь.

Но может случиться и худшее: правительственная власть пойдет на уступки, попробует войти в соглашение с оппозицией и этим ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов. Хотя и звучит парадоксом, но соглашение с оппозицией в России, безусловно, ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия. Необходим искусственный выборный закон, мало того, нужно еще и прямое воздействие правительственной власти, чтобы обеспечить избрание в Госдуму даже наиболее горячих защитников прав народных. Откажи им правительство в поддержке, предоставь выборы их естественному течению, — и законодательные учреждения не увидели бы в своих стенах ни одного интеллигента помимо нескольких агитаторов-демагогов. Как бы ни распинались о народном доверии к ним члены наших законодательных учреждений, крестьянин скорее поверит безземельному казенному чиновнику, чем помещику-октябристу, заседающему в Думе; рабочий с большим доверием отнесется к живущему на жалование фабричному инспектору, чем к фабриканту-законодателю, хотя бы тот исповедовал все принципы кадетской партии.

Более чем странно при таких условиях требовать от правительственной власти, чтобы она серьезно считалась с оппозицией, ради нее отказалась от роли беспристрастного регулятора социальных отношений и выступила перед широкими народными массами в качестве послушного органа классовых стремлений интеллигентно-имущего меньшинства населения. Требуя от правительственной власти ответственности перед классовым представительством и повиновения ей же искусственно созданному парламенту (вспомним знаменитое изречение В.Набокова: «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной!»), наша оппозиция, в сущности, требует от правительства психологию дикаря, собственными руками мастеращего идола и затем с трепетом ему поклоняющегося.

ЧАСТЬ 8. РОССИЯ БУДЕТ ВВЕРГНУТА В БЕСПРОСВЕТНУЮ АНАРХИЮ, ИСХОД КОТОРОЙ ТРУДНО ПРЕДВИДЕТЬ

Если война окончится победоносно, усмирение социалистического движения в конце концов не представит непреодолимых затруднений. Будут аграрные волнения на почве агитации за необходимость вознаграждения солдат дополнительной нарезкой земли, будут рабочие беспорядки при переходе от вероятно повышенных заработков военного времени к нормальным расценкам — и, надо надеяться, только этим и ограничится, пока не докатится до нас волна германской социальной революции. Но в случае неудачи, возможность которой при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, — социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна.

Как уже было указано, начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения: сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Побежденная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению.

ЧАСТЬ 9. ГЕРМАНИИ, В СЛУЧАЕ ПОРАЖЕНИЯ, ПРЕДСТОИТ ПЕРЕЖИТЬ НЕМЕНЬШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОТЯСАНИЯ, ЧЕМ РОССИИ

Как это ни странно может показаться на первый взгляд, при исключительной уравновешенности германской натуры, но и Германии в случае поражения предстоит пережить не меньшие социальные потрясения. Слишком уж тяжело отразится на населении неудачная война, чтобы последствия ее не вызвали на поверхность глубоко скрытые сейчас разрушительные стремления. Своеобразный общественный строй

современной Германии построен на фактически преобладающем влиянии аграриев, прусского юнкерства и крестьян-собственников.

Эти элементы являются оплотом глубоко консервативного строя Германии под главенствующим руководством Пруссии. Жизненные интересы перечисленных классов требуют покровительственной по отношению к сельскому хозяйству экономической политики, ввозных пошлин на хлеб и, следовательно, высоких цен на все сельскохозяйственные произведения. Но Германия при ограниченности своей территории и возросшем населении давно уже из страны земледельческой превратилась в страну промышленную, а потому покровительство сельскому хозяйству сводится, в сущности, к обложению в пользу меньшей по численности половины населения большей половины. Компенсацией для этого большинства и является широкое развитие вывоза произведений германской промышленности на отдаленнейшие рынки, дабы извлекаемые этим путем выгоды давали возможность промышленникам и рабочему населению оплачивать повышенные цены на потребляемые дома продукты сельского хозяйства.

С разгромом Германии она лишится мировых рынков и морской торговли, ибо цель войны – со стороны действительного ее зачинщика Англии – это уничтожение германской конкуренции. С достижением этого лишены не только повышенного, но и всякого заработка, исстрадавшиеся во время войны и, естественно, озлобленные рабочие массы явятся восприимчивой почвой противоаграрной, а затем и антисоциальной пропаганды социалистических партий.

В свою очередь, эти последние, учитывая оскорбленное патриотическое чувство и накопившееся вследствие проигранной войны народное раздражение против обманувших надежды населения милитаризма и феодально-бюргерского строя, свернут с пути мирной революции, на котором они до сих пор так стойко держались, и станут на чисто революционный путь. Сыграет свою роль, в особенности в случае социалистических выступлений на аграрной почве в соседней России, и многочисленный в Германии безземельный класс сельскохозяйственных батраков. Независимо от сего оживятся таящиеся сейчас сепаратистские стремления в южной Германии, проявится во всей своей полноте затаенная враждебность Баварии к господству Пруссии, словом, создастся такая обстановка, которая мало чем будет уступать по своей напряженности обстановке в России.

ЧАСТЬ 10. МИРНОМУ СОЖИТЕЛЬСТВУ КУЛЬТУРНЫХ НАЦИЙ БОЛЕЕ ВСЕГО УГРОЖАЕТ СТРЕМЛЕНИЕ АНГЛИИ УДЕРЖАТЬ УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ ОТ НЕЕ ГОСПОДСТВО НАД МОРЯМИ

Совокупность всего вышеизложенного не может не приводить к заключению, что сближение с Англией никаких благ нам не сулит, и английская ориентация нашей дипломатии по своему существу глубоко ошибочна. С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится.

Тройственное согласие – комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примиренной с последнею Францией и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японии. Такая, лишенная всякой агрессивности по отношению к прочим государствам политическая комбинация на долгие годы обеспечит мирное сожительство культурных наций, которому угрожают не воинственные замыслы Германии, как силится доказать английская дипломатия, а лишь вполне естественное стремление Англии во что бы то ни стало удержать ускользающее от нее господство над морями. В этом направлении, а не в бесплодных исканиях почвы для противоречащего самым своим существом нашим государственным видам и целям соглашения с Англией, и должны быть сосредоточены все усилия нашей дипломатии.

При этом, само собой разумеется, что и Германия должна пойти навстречу нашим стремлениям восстановить испытанные дружественно-союзные с нею отношения и выработать, по ближайшему соглашению с нами такие условия нашего с нею сожительства, которые не давали бы почвы для противогерманской агитации со стороны наших конституционно-либеральных партий, по самой своей природе вынужденных придерживаться не консервативно-германской, а либерально-английской ориентации.